
Вадим БЕЛОВ

Жертва

В низкой, полутемной крестьянской избе, где ещё ползали голубые облака дыма, — офицеры только что разошлись, — теперь перед простым некрашеным столом сидел бригадный командир, положив подбородок на руки, и задумчиво глядел на сидящего против него совсем молоденького солдатика в новой, ещё топорщившейся, гимнастерке.

— Какая ты сумасшедшая, Юлька, и какая ты... прекрасная!.. Ей-богу... — произнес он наконец после продолжительного молчания и поднял голову. — Ну, что же... если приказанье принять тебя действительно есть, если ты сумела его добиться, — что же, я принимаю... Как командир бригады, — понимаешь? — я подчиняюсь, но, как отец, Юлька, милая моя девочка, я умоляю тебя подумать ещё как следует о том, на что ты идешь. Я не буду тебя разубеждать, приводя такие аргументы, как то, что ты можешь послужить отечеству там, — в тылу, я знаю, что в тебе кроме этого благородного порыва говорит ещё и вполне простительное в твои годы любопытство, что тебе хочется самой видеть войну, видеть все те ужасы, о которых ты столько читала и слышала в течение почти года, но думала ли ты, что здесь, на полях битвы, к которым ты так стремишься, неприятельские пули не будут разбирать, кто действительно пришел сражаться и кто только «наблюдать»?

— Но я тоже приехала сражаться, папа, а не наблюдать, — обиделся солдатик.

Полковник поспешил поправиться.

— Да, да, конечно, я не хотел тебя обидеть, ты меня не поняла... Я хотел сказать, что ты можешь быть убитой или изуродованной, так же, как и я, как и пятый или десятый....

— Ну так что же? — широко раскрыла она глаза. — Ведь я на это и иду...

Полковник провел ладонью по лицу. Он был смущен и сбит с толку.

— А ты не подумала, что будет со мной, если, не дай Бог, тебя убьют?.. — произнёс он тихо и взял солдатика за руку.

— Это ты говоришь, папа, сейчас, когда только что узнал о том, что мне предстоит подвергаться смертельным опасностям, а как ты думашь, что испытывала я целый год, зная, что ты постоянно под огнем, постоянно лицом к лицу со смертью, получая от тебя письма с описаниями жарких боев и не имея даже уверенности, что в ту минуту, когда я их читаю, ты ещё жив... Подумай, сколько раз ты мог уже быть убитым, и сколько раз судьба спасала тебя? Зачем же думать непременно, что я приехала сюда искать свою смерть?.. Поверь, Бог знает, что делает. Он видит, как оба мы нужны друг другу...

Полковник ничего не ответил. Он тяжело поднялся со скамейки, надел фуражку и, беря под руку дочь, произнес голосом хорошо ей знакомым, тихим, ласковым и проникновенным:

— Пусть так... Храбрая ты у меня, Юлька... Может быть, это и к лучшему. Ведь Он знает, что делает.

Солдатик вдруг обвил руками шею полковника, поднялся на носки и поцеловал его в давно небритый подбородок.

— Ах ты, моя девочка, ах ты, моя смелая... сумасшедшая! — говорил полковник, не отпуская её, и, глядя на прильнувшую к серому кителю маленькую, гладко выстриженную, черную головку, вспоминал теплый, августовский вечер¹, платформу, около которой стоял отбывающий воинский повод, белое лёгкое платье дочери, милое любимое лицико и черную косу, оттягивающую немного назад её гордую, теперь кажущуюся какой-то ощипанной и маленькой, породистую головку.

Они вышли вместе из избы.

— Ты явишься командиру второй батареи. — сказал полковник после молчанья. — Ступай... Только умоляю тебя, — вдруг добавил он тихо: — умоляю, — береги себя... помни, ты у меня — всё.

И когда, откозыряв, солдатик уже повернулся, чтобы идти, он окликнул громко:

— Как тебя звать-то, молодец?

Солдатик остановился, повернул к полковнику своё хорошенёкое веселое лицико и отрапортовал, по уставу вытягиваясь в струнку:

— Вольноопределяющийся², Юрий Соломин, ваше высокоблагородие!

Командир бригады постоял ещё несколько минут на пороге избы, пока не скрылась за кустами тонкая фигура нового вольноопределяющегося, и почему-то в эту минуту в сердце своем не ощущал уже

ни смятенья, ни страха, — было только как-то странно и трогательно думать теперь о Юлии Соломиной, как о вольноопределяющемся второй батареи.

II

После почти полупорамесчных беспрерывных боев вот уже вторую неделю двигались куда-то, сперва по прекрасному шоссе, затем по узким, скверным, разбитым артиллерией и обозами, дорогам.

Который день уже сверху сыпалась холодная, мелкая, водяная крупа, пронизывала до костей, застилала горизонт и делала передвижение ещё более скучным и тяжелым.

Длинной вереницей двигались по дороге, переваливаясь по ухабам колей, передки с орудиями³: зарядные ящики, снаряженные по-походному, с привязанными фуражными сетками и запасными колесами. По сторонам, опустив морды и хлюпая копытами по жидкой грязи, шли казачьи лошади, казавшиеся отлакированными беспрерывным дождем, всадники скручивали из газетных обрывков цыгарки и нехотя перебрасывались короткими замечаниями.

А дождь лил и лил непрерывно... Насквозь промокли шинели казаков, казались глянцевитыми непромокаемые плащи офицеров, а номера орудий, подпрыгивающие на жестких сиденьях безрессорных передков давно накинули на плечи полы от палаток и стали похожими на каких-то неведовых больших птиц, взгромоздившихся в ряд на жердочки.

Полковник Соломин ехали перед третьей батареей рядом с батарейным командиром и прaporщиком. Все молчали — и бригадный командир, и офицеры, и трясущиеся на перках птицы-«номера». Всех угнетала дождливая погода, промокшее платье вид лошадей, измучившихся, вытаскивая из грязи завязнувшие по ступицам зарядные ящики. Угнетало также и бездействие...

Боевая жизнь, беспрерывные опасности, вечная напряженность нервов приучили людей, переделали их на новый лад, — и не только тех, которые тряслись по дорогам Польши и Галиции без малого год⁴, не только тех, которые успели уже побывать в лазаретах и госпиталях и снова вернуться к своим орудиям и подпрыгивающим по ухабам передкам, но даже таких новичков, как вольноопределяющийся Юрий Соломин.

Теперь трудно было узнать того черненького солдатика, который два месяца тому назад сидел в избе батарейного командира, и целуя которого на прощание, полковник все ещё не мог поверить, что это действительно не дочь его Юлия Сергеевна, а вольноопределяющийся второй батареи Юрий Соломин. На сидение передка, рядом с двумя другими «номерами»⁵, сидел настоящий молодой солдатик в истрапанной,

промоченной дождями и измятой, заскорузлой шинели, и держался он за железный прут таким привычным для артиллериста и упругим движением своей маленькой, загрубевшей и темной кисти, что трудно было заподозрить в нём девушку.

Юлия Сергеевна уже, кажется, даже сама успела позабыть об этом.

Привычка к новой обстановке, к солдатам, к лишениям, которые ей приходилось переносить вместе с ними, создалась быстро, и за эти полтора-два месяца боевой жизни, с жаркими артиллерийскими схватками, тяжелыми маршами и ночевками под открытым небом, стало казаться, что эта вот жизнь и есть настоящая, а не та, что была раньше, и что возвратиться к той жизни теперь будет труднее, непривычнее, чем продолжать ещё полгода, год, два года, трястись на передке, спать в сараях на сене или просто на траве, завернувшись в собственную шинель, и есть вместе с солдатами вынутой из-за голенища деревянной ложкой горячие жирные щи.

Вереница запряжек вдруг остановилась: где-то впереди задвигались быстрее в дождливой мгле конные силуэты казаков, протяжно закричали передавая от одной запряжки к другой, ездовые:

— Сто-о-ой!

Засидевшиеся на передках номера послезали поспешно: чтобы хоть немного размять затекшие ноги, казаки проехали куда-то вперед, и остались около батареи только два всадника: капитан да прaporщик, сгорбившиеся и неподвижные в своих серых дождевых плащах.

— Завязли, что ли?.. — спросил рыжебородый ездовой, приподнимаясь в стременах. — Ничего не видно!..

Солдаты выходили с дороги на несколько шагов в поле, надеясь увидеть, что случилось в голове колонны, но серая мгла мелкого дождя затянула все.

— Что там?.. Не видеть, Михеев?.. — спросил черненький солдатик влезавшего на передок фейерверкера.

Михеев не спеша уселся, расправил шинель, завернул полами ноги и нехотя, лениво ответил:

— Кто ж его знает... Нешто сквозь такой дождь что увидишь... Все стоят...

— Может быть, завязли?..

— Очень просто... Дорога вишь какая...

Черненький солдатик хотел приподняться на носках, чтобы в свою очередь попытаться разглядеть что-нибудь, но в эту минуту из тумана вынырнул казак и, осадив коня перед батарейным, сказал ему тихо что-то.

Капитан и прaporщик вдруг выпрямились, казак уже помчался дальше, а батарейный, сбросив за спину капюшон плаща и выехав немного вперед, выкрикивал слова команды...

Его возглас подхватили тотчас же ещё несколько голосов и закричали все сразу, как казалось, бестолково и нелепо, но самом же деле ясно и понятно для каждого из людей, даже для лошадей... Каждый из этого хора выхватил нужный ему голос, перехватил нужное приказание, заржали лошади, взмахнули нагайки, с гиком, ездовые разбрызгивая тяжелыми колесами жидкую грязь, свернув с дороги прямо в поле, помчалась, подпрыгивая через кочки и по ухабам, вторая батарея.

Люди сидели, также держась руками за железные пруты, но теперь уже не дымились цыгарки, лица всех были серёзны и строги.

Маленький черненький солдатик, держась одной рукой за прут, другой поправил фуражку и повернул голову в ту сторону, где стояли около третьей батареи, во главе с полковником, офицеры, но сетка дождя заслоняла поле, и Соломин ничего не увидел.

III

Долго неприятелю не удавалось нащупать вторую батарею. Она скрывалась в складках местности, защищенная невысоким, но густым кустарником.

Шесть орудий стояли в ряд в неглубоких, наскоро вырытых окопах и поочередно, подчиняясь одному взмаху руки капитана, выбрасывали в серую мглу пасмурного дна желто-красные сполики пламени.

Выкрикнув дерзко и коротко свое стальное проклятие пушки отскакивала назад слово с отвращением, но на неё тотчас же дружной гурьбой набрасывались «номера», поснимавшие теперь с плеч полотнища от палаток, проворные и ловкие.

Вольноопределяющийся Соломин шел быстро, почти бежал по мокрой высокой траве, давно промочившей его сапоги. Батарейный командир несколько минут тому назад подозвал его и, стараясь перекричать рев продолжавших безостановочно греметь орудий, прохрипел сорванных от крика голосом ему над самым ухом:

— Бегите на наблюдательный пункт... Почему молчат?.. Не могу корректировать... Если неудобное место, пусть переменят!... Бегите же, чёрт возьми!..

Капитан отскочил в сторону, а Юлия Сергеевна даже не удивившись неожиданной резкости своего начальника, знавшего, что она женщина, и все-таки не удержавшегося в такую минуту от крепкого словца, побежала, прыгая через кочки рытвины и путаясь в высокой траве, к одному дереву, на котором устроился прапорщик-наблюдатель.

Он сидел на толстом суку, наверху, и, глядя в бинокль, кричал что-то лежавшему внизу и почти незаметному в высокой траве, прильнувшему к трубке телефонисту. Увидя подбежавшего вольноопределяющегося, он понял, в чем дело, быстро, как обезьяна, спустился вниз с ветки на ветку, крича:

— Вы что? От батарейного?.. Я знаю... Ничего не видно!.. туман. Помогите скорее, пройдем влево и вперед на те пригорки, там будет лучше...

Не дожидаясь расспросов и объяснений, Соломин помог прапорщику и телефонисту подхватить катушку с проволокой, и, пригнувшись, они бегом пустились, разматывая за собой проволоку, к далеко выдвинувшимся вперед и влево довольно высоким пригоркам.

Здесь были нарыты, вероятно, еще в прошлом году, окопы.

Землянки частью уже обвалились, вероятно, под тяжестью зимнего снега, но одна была цела, и в нее забралась вместе с телефонной проволокой Юлия Сергеевна.

— Соломин, — приказал прапорщик, — вы слушайте меня внимательно и передавайте, что я буду вам говорить... Эй, ты, телефонист, беги живо назад на батарею и передай батарейному командиру, что мы переменили место... Расскажешь где мы... Живо!..

Они остались вдвоем, прапорщик и Соломин, на пригорке среди поля.

Прапорщик взобрался на бруствер прошлогоднего окопа и, всматриваясь в даль, измерял расстояние и наблюдал за результатом стрельбы, кричал вниз, лежавшему с трубкой в руке черненькому солдатику:

— Недолет!.. 43... Хорошо!.. 42...

Где-то справа, быстро и твердо, ухали орудия.

— Перелет!.. 44... Хорошо!..

— Хорошо!.. — кричала в каком-то упоении в трубку Юлия Сергеевна и думала: «Так их, так...»

И в ту минуту, когда прапорщик кричал «хорошо» она ясно представлял себе рвущееся в неприятельских окопах наши гранаты, казалось, слышала грохот взрывов и видела вспышки пламени.

И вдруг всё оборвалось... Проволока внезапно замолчала. Ни одного звука.

— Алла!.. — кричала Соломина. — На батарее... выслушаете?..

Но проволока молчала.

— Ваше благородие, телефон поврежден!.. — закричала она.

— Недолет!.. 45, — отвечал, не рассыпав, прапорщик.

— Я говорю, телефон... — выскочила она из землянки... — телефон не действует...

Офицер спрыгнул вниз. Он вырвал у нее из рук трубку, крикнул туда несколько раз злобно и яростно и с досадой бросил её на землю.

— Очевидно, проволока перерезана... — упавшим голосом сказал он, и оба они минутуостояли, бескураженные и не зная, что предпринять.

Первым нашелся прапорщик.

— Оставайтесь здесь, — приказал он, — я пойду посмотрю, в чем дело... Спрячетесь в землянку... Если придет телефонист, задержите его здесь... Я сейчас вернусь!..

Соломина опять легла на землю под сводом низкой землянки и с волнением прислушивалась, как где-то вдали злобно и ожесточенно ревели пушки.

IV

Время тянулось страшно долго, и Соломиной уже начало казаться, что о ней забыли, что прaporщик погиб, и что теперь все пропало.

Она уже готова была вылезти из землянки и сама пойти на выручку, как вдруг безмолвствовшая до сих пор проволока снова ожила...

— Давайте расстояние!.. — слышался голос.

— Вы слышите?.. — радостно откликнулась Соломина. — Вы слышите?..

Но в ту же минуту свод землянки рухнул, её засыпало землей и песком, доски тяжело навалились на спину, и совсем близко над собой Соломина услышала немецкую речь.

Говорило сразу человек пятнадцать, а то и больше... Какие-то новые люди приходили, уходили и двигались совсем близко около, не подозревая, вероятно, о её присутствии.

Очнувшись от первого испуга, от первых мгновений ужаса, и убедившись, что доски спасут её от тяжести обрушившейся земли, Соломина поняла, что случилось.

Немцы решили зайти во флаг бригаде и заняли пригород, где расположился наблюдательный пункт.

«Теперь конец... — промелькнуло в мозгу. — Вот она смерть... Конец и мне... Господи, да неужели Ты допустишь!..»

И в эту же минуту, словно ниспосланная свыше, пришла яркая, спасительная мысль.

Оставалась одна проволока... Тонкая железная нитка связывала её ещё с батареей и с внешним миром. Ею и надо было воспользоваться, этой проволокой, протянувшееся под мокрой высокой травой... Но не для того, чтобы просить помощи, стараться спасти свою жизнь, о, нет...

«Я одна... а их много!..»

Надо было спасать их от губительного обхода и удара во фланг.

И проволока заработала снова... Она понесла на батарею, извиваясь по земле, под высокой мокрой травой, слова простые и героические.

— Что такое?.. — спросил капитан, видя, что телефонист не понимает чего-то передаваемого в трубку. — В чем дело?

Солдат приподнялся с земли.

— Извольте сами послушать... — протянул он трубку капитану, — не понять никак... Что-то не так...

Капитан схватил трубку...

Откуда-то издалека, словно из-под земли, слышался вздрагивающий женский голос:

— Стреляйте на меня!.. Стреляйте на меня!.. — кричал он. — Неприятель занял пригорки... Стреляйте на меня!.. Берегите фланг!..

— Господи!.. — отскочил от трубки капитан и бросился тотчас же к командиру бригады, находившемся в эту минуту на батарее: — По телефону передают, что пригорки наблюдателя заняты немцами... заходят во флаг... просят открыть огонь по пригоркам...

— Что за вздор!.. Кто просит?.. Да кто у вас там наблюдателем?

— Прапорщик Лобов и вольноопределяющийся Соломин...

Полковник вдруг вздрогнул.

— Дайте трубку!.. — приказал он, стараясь скрыть волнение.

И трубка повторила ему те же слова, сказанные голосом его дочери, то же приказание немедленно открыть огонь по пригоркам, дабы избежать обхода.

— Стреляйте по пригорку!.. По мне!.. — трещало в трубке.

Полковник никогда в жизни не испытывал такого ужаса и отчаяния, какое охватило его в эту минуту.

Он знал и понимал, чем могут грозить бригаде обход или удар во флаг, но он тоже знал, что открыть огонь по пригоркам — значит самому положить на жертвенник любимую дочь.

И стали в сердце его два громадных, прекрасных и светлых чувства отца и гражданина, два чувства: любовь к дочери и к родине... И без борьбы, без страданья и отчаяния, склонило первое голову и отступило перед вторым.

— Капитан, — крикнул Соломин. — Прикажите по пригоркам ураганный огонь!.. Нас обходят!..

Полковник стоял на бруствере среди ревевших без порядка и очереди стальных чудовищ. Он следил за попаданьями, следил за тем, как ложились метко снаряды на пригорок, где осталась его дочь, его любимая, храбрая Юлька.

